

Е. Н. Романова, В. Б. Игнатъева, Е. К. Алексеева
**МОДУС МНОГОДОРОЖЬЯ В ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ
 КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ***

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-118-126

УДК 397(571.56)

ББК 63.529(255)

В статье анализируются проблемы мобильности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): эвенков, эвенов, долган, чукчей и юкагиров, — язык, идентичность и культура которых формировались в условиях длительной адаптации к вечной мерзлоте и холоду. С применением отечественных и зарубежных антропологических, социологических «мобильных» идей и теорий рассмотрены и по-новому осмыслены духовные смыслы и материальные практики движения, их репрезентации; расширено понимание феномена движения как социального потока и локомотива их развития, трансформации, модернизации. Также изучен историко-антропологический концепт многодорожья как структурообразующего принципа жизни, сакрального и профанного мира, путевой стратегии в жизненных сценариях во всем многообразии его проявлений в истории и современной жизни народов Севера и Арктики. В рамках междисциплинарного дискурса авторы статьи развивают концептуальное положение о «северности» как об образе жизни на основе разных текстов (научных, вербальных, художественных, визуальных, полевых) коренных сообществ Крайнего Севера. Исследованием установлено, что «северный» образ жизни кочевников тундры и тайги неотделим от «дорожной парадигмы» и связан с модусом многодорожья как способом адаптации к меняющейся реальности, стратегией выбора новых жизненных траекторий, ориентированных на устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: *Якутия, КМНС, северность, феномен многодорожья, жизненные стратегии*

Введение

Взаимодействие человека и природы в условиях длительной адаптации к вечной мерзлоте и холоду исторически определяло пространственное, хозяйственное и ментальное освоение северных территорий. В настоящее время, в связи с социогенными рисками современности и растущим антропогенным давлением на природный ландшафт, оленеводство и культура скотоводства на Крайнем Севере все чаще представляется наиболее уязвимыми объектами культурного наследия Якутии.

Исследование культурно-антропологического феномена аборигенов Севера, модусов бытия человеческих сообществ в холодных регионах диктует необходимость применения новых междисциплинарных стратегий и методологических новаций. Многообразные проявления холодного мира формируют специфическую среду обитания, которая накладывает свой отпечаток практически на все аспекты жизни человека: физиологию, психологию, стратегию поведения, хозяйственную деятельность, культуру и т. д.¹ В этом плане особую актуальность приобретает разрабатываемое авторами статьи

Романова Екатерина Назаровна — д.и.н., г.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ЯНЦ СО РАН; г.н.с. Международной научно-исследовательской Лаборатории лингвистической экологии Арктики, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск)
 E-mail: e_romanova@mail.ru

Игнатъева Ванда Борисовна — к.и.н., в.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ЯНЦ СО РАН; в.н.с. Международной научно-исследовательской Лаборатории лингвистической экологии Арктики, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск)
 E-mail: V_Ignat@mail.ru

Алексеева Евдокия Кимовна — к.и.н., с.н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ЯНЦ СО РАН (г. Якутск)
 E-mail: aekso7@mail.ru

* Работа выполнена в рамках проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ № 2020-220-08-6030) и Программы ФПНИ РАН, связанной с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2020–2022 гг.

¹ См.: Мельников В. П., Геннадиник В. Б., Федоров Р. Ю. Гуманитарные аспекты криософии // Криосфера Земли. 2016. Т. 20, № 2. С. 112–117.

междисциплинарное направление антропологии холода.²

Научная коллаборация с Международной междисциплинарной лабораторией сравнительных исследований Севера, зимы, холода и Арктики при Университете Квебека (рук. Д. Шартье) задала новые ориентиры в расширении понимания и интерпретации образа Севера. Методология изучения «северности» как междисциплинарного дискурса, объединяющего понятие геокультурного образа холодных земель с опытом человеческой цивилизации, которые в совокупности формируют идентичность народов холодной ойкумены, предложена канадскими учеными. Так, согласно определению гуманитарного географа и лингвиста Л.-Э. Амлена и его школы, «северность» — это особый образ жизни, характеризующийся следующими признаками: 1) пониманием северных условий; 2) способностью приспособиться к ним; 3) пониманием того, что каждый действует в соответствии с этими условиями. Понятие «северности» необходимо исследовать как с позиции коренного (*nordicité autochtone*) и некоренного населения (*nordicité autochtoniste*) с исторической точки зрения (*nordicité historique*), так и выделяя «северность» зональную, орографическую, пространственную, ментальную, культурную, экономическую, политическую, сезонную и т. д.³ Д. Шартье, ученик Л.-Э. Амлена, изучает «северность» на материале различных текстов культуры, при этом подчеркивая важность поликультурного подхода, анализа репрезентации Севера изнутри — от культуры-носителя — и извне — от культуры-наблюдателя.⁴

Феномен «северности» как особого образа жизни перекликается с методологией антро-

пологии движения А. В. Головнёва, где кочевая традиция Арктики рассматривается не как экзотическая архаика, а как гуманитарные технологии этнических сообществ Севера, владеющих проектным, деятельностным, творческим потенциалом и осознанно корректирующих свою мотивационно-деятельностную схему.⁵ Также использована концепция экологии путей, или «графическая антропология» Т. Ингольда, по которой словесные описания реальности дополняются «повествованиями» о том, что говорит нам окружающее пространство на пути следования.⁶

Аналитика в настоящей статье соединяется с нарративом современных поэтов и писателей северян об их мироощущении и восприятии меняющегося жизненного мира коренных малочисленных народов Крайнего Севера. В частности, «рассказывание историй» представлено в художественном творчестве М. Колесова — оленевода-поэта, кочующего по отрогам хребта Орулган в Эвено-Бытантайском национальном улусе Якутии.⁷ Авторский ландшафт «бегущего за словом по пути кочевий» вплетен в вечное движение «оленьего бега» и проецирует ментальную карту топосов памяти Севера. «...Я слышу, что мне рассказывают горы, ветер, олень, духи... поэзия как жизнь».⁸

«Мы — Люди Севера, живущие здесь...»

В Якутии, на вечной мерзлоте, сформировалась циркумполярная цивилизация, в которой ключевую региональную идентичность формирует идея «северности». Она представлена уникальной арктической моделью культуры юкагиров и чукчей, кочевой оленеводческой культурой эвенков и эвенов, культурой долган, возникших в XIX в. в результате активных культурных контактов якутов и тунгусов, а также коневодческой культурой самых северных групп якутов. Эти исторически сложившиеся региональные типы культур объединяет «северность» как особый образ жизни на холодных континентах и как глубинное понятие, связанное прежде всего с «путевой» стратегией в специфических природно-климатических

² См.: Романова Е. Н., Игнатьева В. Б. Антропология вечной мерзлоты: природный ландшафт и «территория этничности» // Природа и культура: материалы междунауч. конф. Якутск, 2012. Ч. 1. С. 61–75; Романова Е. Н., Добжанская О. Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 255–263; Romanova E., Dobjanskaya O. "Les gens qui s'endorment pour l'hiver". Étude du chronotope mythopoétique: vers une anthropologie du froid // Géocultures. Méthodologies russes sur l'Arctique, Montréal, 2020. P. 69–84; Permafrost and Culture. Global Warming and the Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation (Study Guide for Environmental Education). Sendai, 2021.

³ См.: Hamelin L.-E. Le Nord et l'hiver dans l'hémisphère boreal // Cahiers de géographie du Québec. 2000. Vol. 44, № 121. P. 5–25; Idem. Inventaire de la terminologie géographique au Québec // Revue québécoise de linguistique. 2003. vol. 32, № 2. P. 83–96.

⁴ См.: Шартье Д. Что такое воображение Севера? Этические принципы. Монреаль, 2018.

⁵ См.: Головнёв А. В. Концептуализация мобильности в антропологии и этнографии // Урал. ист. вестн. 2018. № 3 (60). С. 6–15.

⁶ См.: Ingold T. Lines: A Brief History. Oxon, 2007; Idem. Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description. London, 2011.

⁷ См.: Колесов М. Мне снилось: я был снег. Стихотворения. Якутск, 2016.

⁸ ПМА. Романова Е. Н. 2016.

условиях Якутии — перекрестного пространства, северного фронта. Здесь в атмосфере тесного межэтнического взаимодействия индигенные сообщества создали особую модель коммуникативного пространства, подвижную сеть отношений, где перекрестье дорог структурировало культурный ареал «северного текста». Мобильность якутов и взаимодействие их с другими народами способствовали освоению ими огромных территорий от Таймыра до Сахалина, что привело к расширению социальной функции якутского языка как универсального языка межкультурной коммуникации в Восточной Сибири, сопоставимого по значимости с французским в Европе и арабским в Африке. Феномен северного многоязычия как моделирующая система кодов на уровне сакральных проекций представлен в шаманской традиции обмена своих духов на духов соседних территорий: якутских на тунгусских, долганских на эвенских, юкагирских на чукотских и др. Такой символический обмен духами означал получение власти и контроля над огромным пространством холода и вечной мерзлоты, овладение языками «чужих» духов демонстрировало силу шаманского дара и приобретение статуса «своего».

Ресурсы холода как формообразующая модель северного ландшафта раскрываются в контексте осмысления образов холода, льда и зимы у коренных народов Севера на уровне креационных космологических схем первотворения. Восприятие Севера коренными народами, проживающими в условиях экстремально низких температур, передается через символы снега как ориентира (выявления географической локации), снега как предвестника (изменений в погоде, хорошего/плохого), снега как защиты (сохранения тепла), снега как радости обновления.⁹ Поэтическая метафора М. Колесова «Мне снилось, я был снег» как проявление образной тождественности человека и природы расширяет представления о «северности» как о пространственной идентичности.

Кочевники Севера в пространстве и времени

Стереотип западного дискурса о Севере всегда определял Север как пустынное место, безмолвное пространство снега и льда. Невидимые северные тропы и кочевья оставались

за рамками освоенного пространства. Очевидно, что природные реалии и адаптационные практики на полюсе холода формировали разные модусы многодорожья. Для кочевников мир соткан из множества «дорожных текстов» — природных, социальных и персональных, имеющих тесную связь с их жизненными и «путевыми» стратегиями. Так, в процессе заселения территории Якутии движимые «охотничьим менталитетом» и «оленьим мышлением» тунгусские народы, наряду с системой кочевого хозяйства и быта, приспособленной к северному ландшафту, выработали своеобразную этническую картину мира, в которой категории «движение» и «путь» образуют ядро тунгусской культуры. «Жизнь в движении» для них комфортна и естественна. Если для «оседлого» сознания путь как преодоление расстояния — это нарушающий, разрывающий обыденность эксцесс, то для кочевой культуры — смысл и основа обыденности.¹⁰ Кочевнику присущ интенсивный ритм жизни: весь мир находится в движении и вместе с ним он сам.

Пространственно-временной хронотоп северного текста отражает особые формы восприятия охотников и оленеводов: «...в отличие от оседлой картины мира, где пространство и время разделены, в ментальности кочевника они нерасчленимы. Как время движется (кочует) по пространству — у каждого месяца есть свои пространственные отметки — так и пространство не существует вне времени. <...> Кочевое пространство-время субъективно и не движется без человека».¹¹ Календарно-хозяйственная система северян сохранила архетип времени/движения. Например, у эвенков июнь обозначается словом «мучун», что означает «период зеленения лиственницы» или «возвращение». В языковой картине мира эвенков отрезок времени «настает» или, как человек, «приходит» и «уходит». Традиционное представление эвенков и эвенов о циклической модели времени было связано с движением по кругу, повторяемостью, периодичностью сезонных изменений. Также вместе с круговым годовым циклом тунгусский кочевник совершает свое круговое кочевье по таежному пространству. Такова система

⁹ См.: Курилова С. Н. Специфика репрезентации субконцепта «снежность» в языке тундровых юкагиров // Меридиан. 2019. № 2 (20). С. 60–62.

¹⁰ См.: Киссер Т. С. Volk auf dem weg (народ в пути): миграции российских немцев в фольклоре и литературном творчестве // Урал. ист. вестн. 2018. № 3 (60). С. 58.

¹¹ Головин А. В. Кочевники Севера: ментальность и мобильность // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 16. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/861> (дата обращения: 26.01.2020).

ежегодного кочевания у иенгринских эвенков¹² и ламунхинских эвенов.¹³ Данная модель кочевья характерна практически для всех локальных групп эвенков и эвенов Якутии.

В целом круговорот и цикличность времени наложили свой отпечаток на все стороны жизни северных групп эвенков и эвенов. В традиционном мировоззрении кочевников заложена идея движения, жизненного пути не только самого человека, но и его души. Идея цикличности, круговорота движения проявляется в орнаментальном искусстве (круговые узоры с точкой в центре). Знаменательно, что олений загон (кораль), активно используемый оленеводами для хозяйственных и ветеринарных нужд, также в основе своей имеет круглую форму. Стадо оленей, пригнанное к стойбищу, в «комариный период» и «период мошкары» (июль, август) совершает круговые движения, спасаясь от кровососущих насекомых. По рассказам информантов, «в это время они кружатся на одном месте как сумасшедшие, и бег их бывает таким быстрым. Чтобы выловить оленя, ты заходишь внутрь этого круговорота».¹⁴ Образ оленьего кружения как вечного движения (кочевье) кодируется в графическом изображении основного кругового орнамента. Таким образом, народам Севера присуща «дорожная парадигма» — особая модель мышления, основанная на идее силы движения в условиях холодного климата.

Тропа в таежном пространстве и дорога как жизненный путь

В эвенкийском языке тропа, дорога, путь обозначаются лексемой *нокто/окто*, в эвенском — лексемой *хот*.¹⁵ Лексема *нокто* в значении «дорога, путь, тропа» является общетунгусской и обнаруживается в других языках тунгусо-маньчжурской языковой семьи. Таежные дороги и тропы эвенки и эвены различают по разным признакам. Сколько признаков, столько и названий: дорога, относящаяся к зимнему периоду; дорога, по которой кочуют летом; дорога-направление; дорога-возвращение; охотничья тропа; тропа животных и др. Например, у эвенков *толгодокит* — санная

дорога; *эмэ уда* — дорога, по которой возвращаются домой; *тумнэк* — медвежья тропа; *хэлбусин-ми* — отправиться вперед «делать дорогу» (то есть метки на деревьях).¹⁶ Метки, затесы, зарубки *илкэн* (дорожный знак на дереве) были весьма распространены в дорожной культуре эвенков и представляли собой форму «дорожного» письма.

В народной философии северян жизненный путь и судьба человека реализуются через понятия «дорога», «тропа», «движение». Так, эвенки слово «жить» часто заменяют словами «идти», «шагать». Эвенкийское гирактами имеет обозначения «шагать», «ходить», «странствовать», в переносном значении «жить»: *дян ануанива гирактандям эду* — «десять лет живу здесь».¹⁷

Слова «тропа», «дорога» в языке таежных кочевников имеют иносказательный смысл. Так, выражение «идти одной тропой, дорогой» означает «вместе шагать по жизни»; «прокладывать дорогу» — «направлять свою жизнь». Как путник оставляет дорожные знаки — илкэн на деревьях, указывая путь, так и отец прокладывает путь (*илкэй-ми*) детям; *балдывча аминми инэни нэрилэн илкэйрин* — «родной мой отец указал путь» (букв. сделал знаки-затесы на жизнь — на свет дня).¹⁸ Философия движения отражена в повествованиях писателей-северян: «Жизнь всегда движение. И родившись, человек вовлекается в непрерывно текущую реку жизни. Движение есть сама жизнь человека, его плавание в великой реке жизни...»¹⁹

С образом тропы семантически соотносится представление о связи поколений, заветах предков («тропа предков»). Проблема разрушения связи поколений актуализировалась еще в советские годы, когда дети школьного возраста, некогда кочевавшие вместе с родителями, были вынуждены оторваться от них и жить в интернатах. В повести Г. А. Федосеева «Злой дух Ямбуя» (1966) писатель передал тревожные думы старухи-эвенки Лангары: «Как же больно думать ей, что тайга может опустеть, что исчезнут тропы отцов, не останется их опыта, если детям не будут прививать в интернатах, институтах любовь к природе,

¹² См.: Лаврилье А. Ориентация по рекам у эвенков юго-востока Сибири. Система пространственной, социальной и ритуальной ориентации // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 117, 118.

¹³ ПМА. Алексеева Е. К. 2020.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Мыреева А. Н. Эвенки. Эвенкийско-русский словарь (около 30 000 слов). Новосибирск, 2004. С. 561.

¹⁶ См.: Там же. С. 611, 771, 621, 587.

¹⁷ См.: Там же. С. 137.

¹⁸ См.: Там же. С. 241.

¹⁹ Кэптук Г. И. Рэкет по-тунгусски // Полярная звезда. 1990. № 3. С. 44.

учить их жизни в лесах, развивать в них врожденные способности охотника!»²⁰

«Жизненный круг»

В первой половине XVII в. аналогично другим колонизируемым народам мира получили оригинальное наименование и коренные малочисленные народы Севера, при этом этноним и статус, равно как и конструируемый образ, последовательно менялись под внешним воздействием. В течение имперского, советского и настоящего времени их распознавали/репрезентировали как диких и первобытных «бродячих инородцев», отсталые «северные племена», «народности северных окраин», «коренные народы Севера».

Республика Саха, согласно данным Всероссийской переписи населения (далее — ВПН) 2010 г., является одним из основных регионов проживания народов, включенных в «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Здесь проживают 1281 юкагир (80 % всех юкагиров страны), 15 071 эвен (69 %), 21 008 эвенков (54,7 %), 1 906 долган (24,2 %), 670 чукчей (4,2 %).

В соответствии с республиканским законодательством, местом их компактного расселения определены 13 улусов, входящих в состав Арктической зоны России (Абыйский, Аллаховский, Анабарский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Быгантайский), а также 8 улусов, имеющих статус районов Крайнего Севера (Оймяконский, Томпонский, Усть-Майский — в Восточной Якутии; Алданский, Нерюнгринский, Олекминский — в Южной; Мирнинский — в Западной; Кобяйский — в Центральной). В арктических улусах проживают 20 326 человек или 50,9 % от всех представителей коренных малочисленных народов Севера (далее — КМНС), в районах из официального перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности — 10 620 человек (26,6 %); в других 14 районах Якутии — 8 990 человек (22,5 %). При этом 28 292 человека (70,8 %) являются сельскими жителями, в том числе 86,4 % — долган, 73,9 % — эвенков, 60,9 % — чукчей, 66,3 % — эвенов, 43,6 % — юкагиров.

Каркас поселенческой структуры составляют 70 национальных/кочевых наслегов (49 — в арктических улусах), целиком входящих в законодательно утвержденный список труднодоступных и отдаленных местностей Республики Саха. Большинство поселений КМНС представляют собой небольшие (201–500 человек) и средние (501–1 000 человек) по численности населенные пункты, изолированные и рассеянные по громадной территории (1 620,5 тыс. кв. км, или 52,5 % площади Якутии). Эти стационарные селения являются колыбелью языков, культур и северных занятий, средоточием социальной жизни местных общин, в том числе родовых, местом пересечения кочевого и оседлого мира КМНС.

В многообразии этносоциальных процессов, происходящих в современном социуме КМНС, центральное место занимает традиционное кочевье оленеводов. Акторами пространственной мобильности (по типологии миграций Ф. Дювеля) являются главы и члены оленеводческих бригад и родовых общин, непосредственно занятых в оленеводческо-промысловом хозяйстве, а также члены семьи оленеводов, круглогодично ведущих кочевой образ жизни. В настоящее время функционируют 106 оленеводческих хозяйств, в которых работают 1 361 человек, в том числе 236 молодых оленеводов в возрасте до 35 лет (17,3 %; в арктической зоне — 12 %), 11 рыболовных хозяйств, 197 охотничьих объединений и физических лиц (55,6 % всех охотпользователей Якутии), закрепившие за собой охотничьи угодья на основании долгосрочных лицензий на право пользования объектами животного мира. В 2018 г. работали 11 кочевых школ, в которых обучалось 103 ребенка (в 2017 г. — 147), в том числе 21 ребенок дошкольного возраста (в 2017 г. — 45).

Преобладающая по численности часть КМНС — жители стационарных поселений, для которых характерна смешанная модель занятости (условно обозначим их как полукочевников). Формально работая в бюджетных секторах экономики (образование, здравоохранение, социальное обеспечение, предоставление услуг, государственное и муниципальное управление и др.), они периодически/сезонно вовлечены в традиционное хозяйство (рыболовство, охота, пушной промысел, добыча мамонтового бивня, сбор дикорастущих ягод и лекарственных растений).

Таким образом получается, что, невзирая на низкую конкурентоспособность традиционных

²⁰ Забияко А. А. Материальная и духовная культура эвенков в художественной этнографии амурских писателей // Филологическая регионалистика. 2012. № 1 (7). С. 15, 16.

видов хозяйственной деятельности в современной рыночной системе, обусловленную малыми объемами производства, большими транспортными издержками, отсутствием новых технологий по комплексной переработке сырья и ресурсов, для современных КМНС по-прежнему «Земля — это великое непорожденное постоянное, высший по отношению к производству элемент, который обуславливает совместное присвоение и совместное использование почвы. Она является поверхностью, на которой записывается весь процесс производства, регистрируются предметы, средства и рабочие силы, распределяются агенты и продукты».²¹

На отдалении от подвижного кочевого и структурированного оседлого пространства, которое покрывает все общественное поле и «кодирует потоки производства, средств производства, производителей и потребителей»,²² находится третий объект, проецирующий ситуацию социальной статистики / ожидания, в которой оказались различные группы безработных. Самый большой спада уровня занятости — с 38,8 тыс. чел. в 2010 г. до 35,4 тыс. чел. в 2017 г. — наблюдался в арктических улусах (Усть-Янский, Анабарский, Верхнеколымский, Среднеколымский); самый высокий уровень общей безработицы — в Эвено-Бытантайском (13,2 %) и Кобяйском (13,7 %) улусах против 6,9–7,2 % в целом по РС(Я); самый высокий коэффициент напряженности на рынке труда в Оленекском улусе (61,7–35,8 человек на 1 вакансию) против 1,5–3,0 человека в целом по РС(Я).²³

Неслучайно в постсоветское время вследствие демонтажа государственного социализма начался активный поиск «нового пристанища». Группировка районов традиционного проживания КМНС по модели Дж. Уэбба показывает, что в период между ВПН 2010 и 2019 гг. рост населения наблюдался лишь в 4 улусах/районах (Анабарский, Оленекский, Эвено-Бытантайский, Усть-Майский). Уменьшение населения произошло в 17 районах, в том числе по V типу — механическая убыль превышает естественную убыль (Алданский, Верхнеколымский, Оймяконский районы); по IV типу — механическая убыль превышает естественный прирост (Абыйский, Аллаиховский, Булунский, Верхоянский, Жиганский, Кобяйский, Мир-

нинский, Момский, Нерюнгринский, Нижнеколымский, Олекминский, Среднеколымский, Томпонский, Усть-Янский районы). То есть в преобладающем большинстве районов проживания КМНС происходит последовательное вхождение в режим депопуляции.

Так, в результате интенсивных миграций значительно возросла численность городских жителей — 11 644 человек или 29,2 % от всех представителей КМНС. В последний межпереписной период численность горожан-эвенков возросла с 23,2 до 26,2 %, эвенков — с 30,6 до 33,7 %, долган — с 12,3 до 13,7 %, юкагиров — с 38,8 до 43,7 %. При этом главным реципиентом демографических ресурсов стал Якутск (5 505 человек, или 47,3 % всех горожан-КМНС). Проекция центростремительных процессов на малолюдные арктические села показывает, что неуправляемое демографическое «сжатие» в сельской черте ослабляет сам каркас расселения КМНС. Такой сценарий предполагает в конечном счете не только постепенное опустение северных и арктических территорий Якутии, но также потерю управления и контроля над этим колоссальным пространством, обжитым сообществами Севера за многие тысячелетия.²⁴

В свете парадигмы мобильности как движущей силы социальной динамики социологическая реальность современной жизни КМНС также иллюстрирует наличие остановок, сложных изгибов, углов и воронок на примере биографических линий людей, отклонившихся от общей траектории, застывших на бездорожье, перепутье дорог или вовсе заблудившихся. Эта категория людей представлена на периферии жизненного круга северных кочевников. Прежде всего к ним относятся лица, обладающие ограниченным экономическим, социальным, культурным капиталом и/или лишенные их. Особенно шатким представляется положение малоимущих слоев населения, безработной молодежи, которые объективно не в состоянии самостоятельно распутать этот жизненный клубок и в итоге остаются прикованными к определенному месту.

По мнению якутских этносоциологов, отдаленные и изолированные локусы символически разлагают своих обитателей, объединяя в некоторые резервации совокупность агентов, которые, будучи лишены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных

²¹ Там же. С. 75.

²² Там же. С. 76.

²³ См.: Байшева С. М. Устойчивость и уязвимость современного развития коренных малочисленных народов Севера Якутии // Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. Якутск, 2020. С. 117.

²⁴ См.: Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. Якутск, 2020.

играх, могут делиться только своим отлучением.²⁵ Об этом свидетельствуют алкоголизация, рост агрессии и насилия в обществе, личностный крах, а также необычайно высокий уровень неестественной смертности КМНС: в 2017 г. — 220,6 случаев, тогда как по РС(Я) в целом — 133,6 случаев на 100 тыс. человек. При этом среди причин смерти первые позиции занимает смертность от самоубийств (68,8 случая) и от убийств (38,0 случая на 100 тыс. человек).²⁶ По стандартам ВОЗ, выше 20 случаев на 100 тыс. населения является предельным, критическим уровнем суицида. Так, количество свершенных суицидов среди КМНС превосходит мировой пороговый показатель в 3,4 раза, общероссийский — в 5,5 раз.

Следует подчеркнуть, что в традиционной культуре КМНС круговой орнамент, как графический символ жизни, кодировал жизнеутверждающие смыслы и символы. Графический рисунок современного состояния северного социума репрезентирует существующую социальную реальность КМНС, которые не выбрасывают никого из своего «жизненного круга». Устремления коренных малочисленных народов Севера формируются самим бесконечным круговоротом жизни и нацелены на созидание будущего.

*«Двигаться по одному пути,
помогая друг другу»*

В рамках комплексного анализа мобильности как многомерного явления нельзя обойти вниманием драматичное переплетение «древней тропы» оленеводов и охотников с «магистральными путями» компаний-недропользователей, вступивших в конкурентную борьбу за разнообразные ресурсы одного пространства. В местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности КМНС в 20 районах Якутии действуют 179 промышленных компаний. Наиболее интенсивному промышленному освоению подвергаются территории Мирнинского и Олекминского районов в Западной Якутии (по 11 предприятий), Алданского (19) и Нерюнгринского (36) — в Южной Якутии; Усть-Майского (10) — в Восточной Якутии; Верхоянского (12) — в Арктической зоне Яку-

тии. Заключение «Соглашений о социально-экономическом сотрудничестве», пока только между 12 улусами (районами) и 70 компаниями, говорит о стремлении КМНС Якутии сохранить обоюдную «энергию движения», «идти одной тропой, помогая друг другу».

«Экология жизни» предполагает со-переживание как активное действие, и в этом плане пожелание этнологов — «настроить промышленников, осваивающих северные недра, не только на соболезнование и вежливые жесты по адресу коренных жителей, но и на заинтересованное сотрудничество с ними в разработке новой арктической стратегии. Культуры туземцев и пришельцев действительно способны обогатить и усилить друг друга, сохранив и оптимизировав собственные приоритеты. Креативный обмен технологиями между кочевниками и газовиками сулит немало выгод и открытий — например, в контроле над огромным арктическим пространством и экстремальными ситуациями, в “кочевом дизайне” с его минимализмом и полифункциональностью вещей».²⁷

«У каждого в тайге своя тропинка...»

Труднодоступность и удаленность мест проживания коренных малочисленных народов Севера создают вынужденную ситуацию «разрыва» с внешним миром. Веб-среда является единственным пространством «виртуального диалога» и движения северных сообществ, жителей отдаленных сельских местностей. Представители КМНС, особенно молодежь, проявляют наибольшую киберактивность — создают свои интернет-сообщества, группы в социальных сетях («Instagram», WhatsApp, «ВКонтакте» и др.) для обмена информацией, наблюдениями, культурными новостями. Такая коммуникативная сеть позволяет виртуально возвратиться в кочевья своих сородичей.

В заключение следует сказать, что ресурсы многодорожья в идентичности, языке, истории и культуре открывают новые реальные и виртуальные пространства и определяют новый маршрут кочевников Севера. Образ многодорожья как основной принцип жизни и действий северян кодирует знания предков и опыт выживания в холодном мире, модус многодорожья — это деятельностная стратегия КМНС, выбор собственного пути, а значит, жизни всего северного социума.

²⁵ См.: Васильева О. В., Маклашова Е. Г. Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии. Якутск, 2018.

²⁶ См.: Социально-экономическое положение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации на территории Республики Саха (Якутия) за 2012–2017 гг. Якутск, 2018. С. 21, 22.

²⁷ Этноэкспертиза на Ямале: ненецкие кочевья и газовые месторождения / Головин А. В. [и др.]. Екатеринбург, 2014. С. 7, 8.

Ekaterina N. Romanova

Doctor Historical Sciences, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS; North-Eastern Federal University in Yakutsk (Russia, Yakutsk)
E-mail: e_romanova@mail.ru

Vanda B. Ignatyeva

Candidate of Historical Sciences, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS; North-Eastern Federal University in Yakutsk (Russia, Yakutsk)
E-mail: V_Ignat@mail.ru

Evdokiya K. Alekseeva

Candidate of Historical Sciences, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (Russia, Yakutsk)
E-mail: aekso7@mail.ru

THE MULTI-ROAD MODUS IN THE LIFE STRATEGY OF INDIGENOUS MINORITIES OF THE NORTH OF YAKUTIA

The article analyzes the problems of mobility of indigenous minorities of the North of the Republic of Sakha (Yakutia) — the Evenks, Evens, Dolgans, Chukchi and Yukaghirs, whose language, identity and culture were formed in conditions of prolonged exposure to permafrost and the cold. Using Russian and foreign anthropological and sociological “mobile” ideas and theories, the paper examined and reinterpreted spiritual meanings and material practices of the movement and their representations; it expanded the understanding of the phenomenon of the movement as a social flow and a locomotive of their development, transformation, and modernization. The authors also studied the historical and anthropological concept of “multi-roadness” as a structure-forming principle of life, sacred and profane world, travel strategy in life scenarios in a variety of its manifestations in history and modernity of the peoples of the North and the Arctic. Within the framework of interdisciplinary discourse, the authors develop the concept of “northernness” as a way of life in different texts (scientific, verbal, artistic, visual, field) of indigene communities of the Far North. The study has established that the “northern” way of life of tundra and taiga nomads is inseparable from the road “paradigm” and associated with the modus “multi-road” as a way to adapt to the changing reality, a strategy of choosing new life trajectories, focused on sustainable development of indigenous minorities of the North.

Keywords: *Yakutia, indigenous minorities of the North, northernness, multi-roadness phenomenon, life strategies*

REFERENCES

- Baisheva S. M. [Sustainability and vulnerability of the modern development of indigenous small-numbered peoples of the North of Yakutia]. *Etnosotsial'nyye protsessy v Yakutii: sovremennyy rakurs i perspektivy razvitiya* [Ethnosocial processes in Yakutia: modern perspective and development prospects]. Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN Publ., 2020, pp. 108–129. (in Russ.).
- Chartier D. *Chto takoe voobrazhenie Severa? Eticheskie principy* [What is the Imagined North? Ethical Principles]. Montreal: Isberg, 2018. (in Russ.).
- Etnosotsial'nyye protsessy v Yakutii: sovremennyy rakurs i perspektivy razvitiya* [Ethnosocial processes in Yakutia: modern perspective and development prospects]. Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN Publ., 2020. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Conceptualisation of mobility in anthropology and ethnography]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 3 (60), pp. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-6-15 (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Nomads of the North: mobility and mentality]. *Novye issledovaniia Tuvy* [The New Research of Tuva], 2019, no. 3, pp. 15–26. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/861> (accessed: 26.01.2020) DOI: 10.25178/nit.2019.3.2 (in Russ.).
- Golovnev A. V., Lezova S. V., Abramov I. V., Belorussova S. Yu., Babenkova N. A. *Etnoekspertiza na Yamale: nenetskiye kochev'ya i gazovyye mestorozhdeniya* [Ethno-expertise on Yamal: Nenets routs and gas fields]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2014. (in Russ.).

Hamelin L.-E. Inventaire de la terminologie géographique au Québec. *Revue québécoise de linguistique*, 2003, vol. 32, no. 2, pp. 83–96. DOI: 10.7202/017543ar (in French).

Hamelin L.-E. Le Nord et l'hiver dans l'hémisphère boréal. *Cahiers de géographie du Québec*, 2000, vol. 44, no. 121, pp. 5–25. DOI: 10.7202/022879ar (in French).

Ingold T. *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description*. London: Routledge, 2011. (in English).

Ingold T. *Lines: A Brief History*. Oxon: Routledge, 2007. (in English).

Keptuke G. I. [Racket in a Tungusic way]. *Polyarnaya zvezda* [Polar star], 1990, no. 3, pp. 14–45. (in Russ.).

Kisser T. S. [Volk auf dem Weg (folk en route): migrations of the Russian Germans in folklore and literature]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 3 (60), pp. 57–65. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-57-65 (in Russ.).

Kurilova S. N. [Specificity of the representation of the “snowiness” sub-concept in the tundra Yukagirs language]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian* [Scientific electronic journal Meridian], 2019, no. 2 (20), pp. 60–62. (in Russ.).

Lavrillier A. [Orientation by rivers among the Evenki of Siberian South-East: the system of spatial, social, and ritual orientation]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2010, no. 6, pp. 115–132. (in Russ.).

Melnikov V. P., Gennadinik V. B., Fedorov R. Yu. [Humanitarian aspects of cryosophy]. *Kriosfera zemli* [Earth's Cryosphere], 2016, vol. 20, no. 2, pp. 112–117. (in Russ.).

Myreeva A. N. *Evenki. Evenkiysko-russkiy slovar' (okolo 30 000 slov)* [The Evenks. Evenk-Russian dictionary (about 30,000 words)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2004. (in Russ.).

Permafrost and Culture. Global Warming and the Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation (Study Guide for Environmental Education). Sendai: Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2021. (in English).

Romanova E. N., Dobzhanskaya O. E. [Anthropology of the cold: methodology, concepts, images (on the materials of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], 2019, no. 35, pp. 255–263. DOI: 10.17223/22220836/35/23 (in Russ.).

Romanova E. N., Ignatieva V. B. [Anthropology of permafrost: natural landscape and “territory of identity”]. *Priroda i kul'tura. Materialy mezhdunarod. nauch. konf.* [Nature and culture. Materials of the international sci. conf.] Yakutsk: Izdatel'skiy dom Severo-Vostochnogo federal'nogo un-ta Publ., 2012, part 1, pp. 61–75. (in Russ.).

Romanova E., Dobjanskaya O. “Les gens qui s'endorment pour l'hiver”. Étude du chronotope mythopoétique: vers une anthropologie du froid. *Géocultures. Méthodologies russes sur l'Arctique*. Montréal: Imaginaire Nord, coll. “Isberg”, 2020, pp. 69–84. (in French).

Vasilyeva O. V., Maklashova E. G. *Molodezh' Arktiki: identichnosti i zhiznennye strategii* [Arctic Youth: Identities and Life Strategies]. Yakutsk: IGIiPMNS SO RAN Publ., 2018. (in Russ.).

Zabiyako A. A. [Material and spiritual culture of the Evenks in the artistic ethnography of Siberian writers]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regional Science], 2012, no. 1 (7), pp. 12–31. (in Russ.).